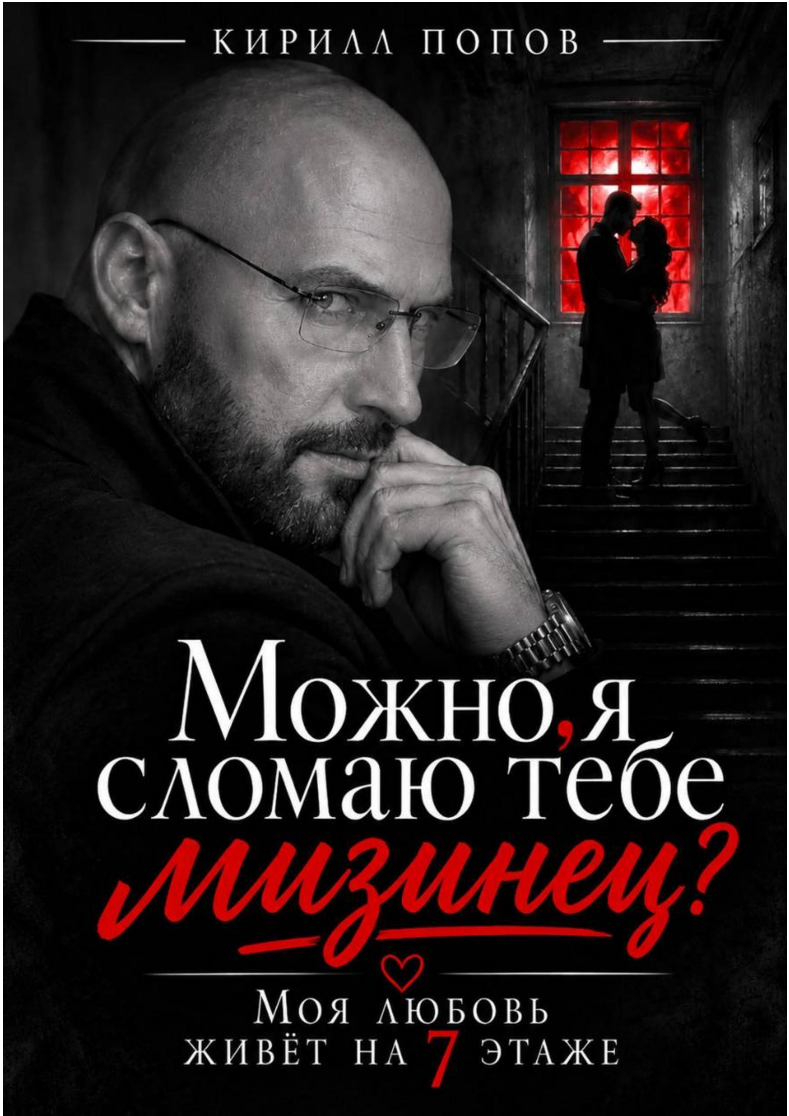
КИРИЛЛ ПОПОВ

Можно, я сломаю тебе мизинец?

Моя любовь живёт на 7 этаже

Кирилл Попов

Можно я сломаю тебе мизинец? Моя любовь живет на 7 этаже

https://litres.ru/74706738
SelfPub; 2026

Аннотация

Илья умеет сохранять то, что исчезает: голоса жильцов, случайные разговоры, скрип дверей старого семиэтажного дома, которому осталось недолго. А вот с собственными чувствами он обходится иначе — прячет их за шутками, будто так можно не бояться потери.

Знакомство с Верой начинается с нелепой фразы, за которой постепенно возникает настоящее чувство. Вера умеет создавать уют, дорожит своей свободой и не хочет, чтобы любовь становилась контролем. Илья пытается быть рядом, но страх потерять её порой оказывается сильнее доверия.

Их история — о нежности и ревности, смешном и болезненном, о попытке услышать другого, не присваивая его. Можно ли любить человека и не удерживать? И что остаётся, когда привычное место больше не может удержать двоих?

Это роман о взрослых чувствах, хрупкости и свободе. О любви, у которой есть адрес — седьмой этаж, но нет права собственности.

Содержание

Часть I. Шесть этажей до любви. Глава 1. Человек, который записывал тишину 4
Глава 2. Седьмой этаж 20
Глава 3. Лифт не работает 33
Глава 4. Мизинец 49
Глава 5. Чужие окна 61
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Можно я сломаю тебе мизинец? Моя любовь живет на 7 этаже

Часть I. Шесть этажей до любви. Глава 1. Человек, который записывал тишину

В доме было семь этажей, один лифт и столько неисправностей, что жильцы давно перестали считать их отдельными событиями.

Лифт, например, работал. Иногда. Если нажать кнопку нужного этажа и немного подождать, он мог приехать. Мог не приехать. Мог приехать, но открыть двери не на том этаже.

Однажды он остановился между третьим и четвёртым, и мужчина, ехавший внутри, потом рассказывал соседям, что впервые за двадцать лет брака провёл сорок минут наедине с собственными мыслями. Больше повторять этот опыт он не хотел.

Я записал его рассказ на телефон. Не для работы. Просто он смешно рассказывал.

Вообще, я записывал довольно много вещей, которые никому не были нужны.

Звук старого выключателя. Скрип подъездной двери. Короткий металлический удар, когда кто-нибудь закрывал почтовый ящик. Шум воды в трубах на пятом этаже. Шаги человека, спускавшегося по лестнице в тапочках и явно опаздывавшего, хотя и не желавшего признавать это даже перед собственными ногами.

Я занимался звуком. Не музыкой, не кино и не концертами. В основном работал с чужими записями: восстанавливал старые плёнки, убирал шумы, переводил аналоговые материалы в цифровой формат. Иногда записывал городские звуки для небольших проектов.

Это была работа, которую трудно объяснить на семейном ужине.

— То есть ты слушаешь шумы? — обычно спрашивали меня.

— В основном.

— И за это платят?

— Иногда.

После этого разговор, как правило, переходил к ипотеке, детям или погоде. Я не возражал. В этих темах я разбирался примерно так же, как большинство людей разбиралось в моей работе.

Заказ с этим домом появился в начале сентября.

Мне позвонила женщина из архитектурного бюро, с кото-

рым я сотрудничал несколько раз. Они готовили документацию для реконструкции старых жилых зданий. На этот раз заказчик решил сохранить небольшую аудиоколлекцию — что-то вроде звукового паспорта дома до начала работ.

Никакой исторической ценности у здания официально не было. Обычная панельная коробка, построенная в конце семидесятых. Никаких известных архитекторов, необычных фасадов или знаменитых жильцов.

Но в проекте решили, что было бы неплохо оставить не только фотографии, планы этажей и технические характеристики, но и звуки повседневной жизни.

Я спросил, кто будет это слушать.

Женщина ответила, что, вероятно, никто.

Мне понравился её ответ.

Мы договорились о сроках, количестве рабочих дней и оплате. Через два дня я приехал к дому с оборудованием.

Он находился во дворе, куда с улицы можно было попасть через узкий проезд между двумя магазинами. В одном продавали продукты, в другом чинили обувь. Над входом в продуктовый висела выцветшая вывеска, на которой слово «свежие» потеряло две буквы. Получалось, что магазин продавал не совсем понятно что, но жильцы, судя по количеству посетителей, этому обстоятельству значения не придавали.

Сам дом был серым. Не мрачным, не страшным — просто серым. На фасаде кое-где проступали следы прежнего ремонта. Возле подъезда стояла лавочка с металлическими

ножками, одна из которых опиралась на подложенный кирпич.

На стене висело объявление о предстоящей реконструкции.

Бумага намокла по краям, но текст ещё читался. Жильцов просили ознакомиться с графиком освобождения квартир и обращаться по указанному телефону в случае вопросов.

Под объявлением кто-то шариковой ручкой написал:

«А куда деваться тем, у кого вопросов нет, но жить негде?»

Я остановился, прочитал дважды и сфотографировал.

Не знаю зачем. Наверное, потому что надпись была честнее самого объявления.

В подъезде пахло мокрой одеждой, старой краской и чем-то жареным. На первом этаже горела лампа с холодным светом. Я поставил сумку на пол, достал диктофон и несколько секунд просто постоял.

Снаружи проехала машина.

Внутри кто-то хлопнул дверью.

Наверху коротко залаяла собака.

Я включил запись.

Первые тридцать секунд обычно самые трудные. Нужно дождаться, пока перестанешь слышать собственное присутствие. Человек приходит в помещение и сразу начинает мешать ему существовать: двигается, дышит, трогает вещи, кашляет, переставляет оборудование. Даже когда стара-

ешься быть незаметным, микрофон всё равно знает, что ты здесь.

Я поставил стереопару на небольшие стойки, проверил уровни и отошёл к стене.

Подъезд зажил сам по себе.

Где-то наверху двигали мебель. В трубе щёлкнул металл. За дверью квартиры на первом этаже негромко работал телевизор. Мужской голос рассказывал о каком-то происшествии, потом его перебила женщина.

Я не разбирал слов. Мне был нужен общий фон.

Запись получилась хорошая.

На второй день я начал с лестницы.

У старых домов есть одна особенность: они редко звучат одинаково на разных этажах. На первом обычно больше уличного шума. На верхних сильнее слышно вентиляцию, крышу, ветер. Между ними — отдельная жизнь, которую можно определить даже по характеру шагов.

На третьем этаже кто-то регулярно оставлял обувь у двери. На четвёртом скрипела одна ступенька. На пятом за стеной работала стиральная машина, у которой, судя по звуку, был тяжёлый характер. На шестом пахло табаком, хотя курить в подъезде запрещали.

На седьмой я тогда не поднялся. В тот день закончил работу раньше.

Впрочем, дом никуда не собирался.

На третий день я приехал около десяти утра. Взял с собой

контактный микрофон — небольшое устройство, которое улавливало вибрации поверхности. С его помощью можно было записать, например, работу труб или движение лифтового механизма. Звук получался непривычный: глухой, иногда почти музыкальный, хотя никакой музыки там, разумеется, не было.

Я прикрепил датчик к металлической панели возле лифта и стал ждать.

Лифт загудел.

Потом что-то щёлкнуло.

Потом замолчало.

Я посмотрел на экран прибора.

Запись шла.

— Ну и ладно, — сказал я.

Голос получился громче, чем хотелось.

— Вы с ним разговариваете?

Я обернулся.

На лестничной площадке стоял мужчина лет семидесяти пяти. Невысокий, худой, в тёмных брюках и клетчатой рубашке. На ногах — домашние тапочки, в руке — небольшой пакет из продуктового магазина.

Он смотрел на меня без особого любопытства. Скорее с осторожностью человека, который не хочет случайно оказаться участником чужой неприятности.

— С лифтом? — уточнил я.

— А с кем же ещё?

— Нет. Проверяю звук.

Мужчина перевёл взгляд на диктофон, потом на датчик, прикреплённый к панели.

— У него и так звук плохой.

— Мне как раз такой и нужен.

— Тогда вы по адресу.

Он поставил пакет на ступеньку, достал из кармана ключи и выбрал один.

— Из управляющей компании?

— Нет. Я занимаюсь звукозаписью. По заказу архитектурного бюро. Перед реконструкцией собираю звуки дома.

Мужчина помолчал.

— Звуки дома, — повторил он.

— Да.

— А запахи не собираете?

— Пока нет.

— Зря. Здесь есть что собирать.

Он открыл дверь на шестом этаже, но не вошёл.

— Михаил Петрович, — представился он.

— Илья.

Мы пожали друг другу руки.

— Вы надолго?

— Недели три, может, четыре. Смотря как пойдёт.

— Значит, ещё услышимся.

— Вероятно.

Михаил Петрович поднял пакет и вошёл в квартиру.

Дверь закрылась не сразу. Сначала что-то зацепилось за косяк, потом он вернулся, поправил пакет и только тогда повернул ключ в замке.

Я посмотрел на диктофон.

На записи остались его шаги, короткий разговор и два щелчка замка.

Файл я сохранил под названием «Лифт_контактный_микрофон_03».

Потом добавил в комментарии: «Михаил Петрович, шестой этаж».

Не знаю, почему решил записать имя. Для технической документации оно не требовалось. Обычно я имён не записывал.

В тот день я закончил около пяти.

Дома я живу один. Квартира небольшая, без особых достоинств, но с хорошим окном. Из него видно часть соседнего здания, несколько деревьев и парковку, где один и тот же автомобиль уже третий месяц стоит с открытой задней дверью.

Я давно собирался узнать, кому он принадлежит.

Не узнал.

Поставил чайник, разобрал записи и сел за компьютер. Работа была привычная: убрать лишние щелчки, выровнять громкость, подписать файлы, сохранить резервную копию.

В наушниках дом звучал иначе, чем в реальности.

Когда находишься внутри, шумы смешиваются. Ты не за-

мечаешь, как постепенно перестаёшь различать отдельные источники. Мозг делает свою работу и отбрасывает лишнее.

На записи всё иначе. Можно остановить звук, вернуться на несколько секунд назад, увеличить громкость, рассмотреть его почти физически.

Я услышал, как на первом этаже кто-то поставил сумку на пол.

Как наверху прошёл человек.

Как закрылась дверь.

Как женщина сказала:

— Я же просила тебя не покупать это.

Мужчина что-то ответил.

Она вздохнула.

Я остановил запись.

Разговор не был особенно интересным. Просто в какой-то момент стало ясно, что я слушаю не фон, а чужую жизнь за дверью, к которой не имею никакого отношения.

Я снял наушники, налил чай и посмотрел на часы.

Было без двадцати восемь.

Я собирался поужинать, но обнаружил, что в холодильнике остались только яйца, половина лимона и контейнер с чем-то, что я не смог опознать. Решил не рисковать.

Заказал еду.

Пока ждал курьера, открыл окно. С улицы доносились звуки детской площадки. Кто-то спорил из-за качелей. Женщина звала ребёнка домой. На соседнем балконе мужчина

разговаривал по телефону, время от времени переходя на повышенный тон.

Я подумал, что город вообще довольно шумное место для людей, которые так часто жалуются на одиночество.

Потом закрыл окно.

На следующий день я снова приехал в дом.

К этому времени я уже знал, что лампа на втором этаже включается с задержкой, а входная дверь плохо закрывается, если её просто отпустить. Ещё я знал, что по утрам на первом этаже кто-то варит кофе. Запах появлялся примерно в половине девятого и исчезал минут через двадцать.

Кто именно — выяснять не собирался.

Мне нужно было записать лестничные пролёты. Для этого требовалась относительная тишина, поэтому я пришёл раньше обычного.

Поставил оборудование на площадке между третьим и четвёртым этажами. Проверил батареи, уровни, положение микрофонов.

Запустил запись.

Сначала было тихо.

Потом наверху открылась дверь.

Кто-то вышел на лестницу, остановился, вернулся обратно.

Через минуту дверь открылась снова.

Я не стал смотреть, кто это. В моей работе любопытство иногда мешало больше, чем плохое оборудование.

Зато заметил другое: на площадке между пятым и шестым этажами появилась новая коробка. Небольшая, из-под бытовой техники. Её поставили у стены, рядом с почтовыми ящиками. На картоне чёрным маркером было написано: «КУХНЯ».

Внизу кто-то приклеил лист бумаги с просьбой не выбрасывать коробку.

Я записал лестницу ещё раз.

В середине записи послышались шаги. Они приближались медленно, с небольшими остановками.

Я поднял голову.

Михаил Петрович спускался, держась за перила. В одной руке он нёс небольшую сумку, в другой — связку ключей.

— Опять работаете?

— Да. Сегодня лестница.

— А вчера лифт.

— Вчера лифт.

— Вы, я смотрю, неразборчивый человек.

Я улыбнулся.

— В работе приходится.

Он остановился на площадке.

— А что потом с этими записями будет?

— Передадут заказчику. Часть, возможно, попадёт в городской архив.

— И что, будут потом слушать, как мы тут ходили?

— Может быть.

Михаил Петрович посмотрел вниз, на лестницу.

— Странное дело. Всю жизнь стараешься, чтобы тебя никто не слышал. Дома ходишь потише, дверь закрываешь аккуратно, телевизор убавляешь. А теперь, значит, кто-то специально будет записывать.

— Получается, да.

— Ну, записывайте.

Он продолжил спускаться.

На следующей площадке остановился, повернулся ко мне и добавил:

— Только не записывайте, как я утром ругаюсь. Это личное.

— Постараюсь.

— А если получится, удалите.

— Договорились.

Он ушёл.

Я посмотрел на экран. Запись продолжалась. На ней остались его шаги, скрип перил, короткий разговор и звук закрывающейся двери внизу.

Остановил файл.

Потом переслушал последние двадцать секунд.

Всё было чисто.

К обеду я закончил с лестницей и поднялся на седьмой этаж. Не по какой-то особенной причине. Просто в техническом плане оставался верхний коридор, а переносить работу на следующий день не хотелось.

На площадке было светлее, чем на остальных этажах. Окно в торце коридора выходило во двор. На подоконнике стоял небольшой горшок с сухой землёй. Рядом лежала старая рекламная газета, которую кто-то, видимо, принёс из почтового ящика и забыл выбросить.

Дверей было три.

На одной висела маленькая табличка с номером квартиры. На второй — детский рисунок, прикреплённый магнитом. Третья была обычной, тёмной, без каких-либо украшений.

Я поставил микрофон ближе к окну.

За стеклом виднелись двор, лавочка, несколько машин и та самая детская площадка. Сверху хорошо просматривалась крыша магазина, на которой кто-то оставил старый матрас.

Я включил запись.

Ветер почти не проникал в помещение, но иногда задевал оконную раму. Вдалеке проехал автобус. Где-то хлопнула дверь машины.

Через несколько минут в коридоре послышались шаги.

Женские.

Я не сразу понял, что они направляются ко мне.

Из-за поворота появилась женщина с двумя пакетами. Она прижимала один пакет локтем и одновременно пыталась достать ключи из кармана куртки.

Увидев меня, она немного замедлила шаг.

Я стоял возле окна с микрофоном в руках.

Она посмотрела на оборудование, потом на меня.

— Вы что-то ищете?

— Нет. Работаю.

— Здесь?

— Да.

Она кивнула, но не ушла. Перевела взгляд на микрофон.

— Что записываете?

— Звуки дома.

Она посмотрела на пустой коридор.

— А сейчас что-нибудь интересное происходит?

Я подумал.

— Пока нет.

— Тогда удачи.

Она прошла к одной из дверей, поставила пакеты на пол и наконец достала ключи.

Я вернулся к настройкам.

Через несколько секунд услышал, как она открывает дверь.

Потом женщина остановилась.

— Простите.

Я обернулся.

— Да?

— Вы долго ещё будете здесь работать?

— Минут двадцать.

— Хорошо. Я просто не очень люблю, когда у двери кто-то стоит.

— Понимаю. Я могу переставить оборудование.

— Не нужно. Просто спросила.

Она подняла пакеты, вошла в квартиру и закрыла дверь.

Я остался на площадке.

В коридоре снова стало тихо.

На этот раз я не сразу вернулся к настройкам. Посмотрел на дверь, потом на микрофон. В конце концов проверил уровень сигнала и продолжил запись.

Через двадцать минут собрал оборудование и спустился вниз.

На улице было пасмурно. Я остановился возле объявления о реконструкции, перечитал надпись шариковой ручкой и пошёл к машине.

Вечером, уже дома, прослушивал материал с седьмого этажа.

На записи были слышны ветер, автобус, шаги, два щелчка ключей и короткий разговор.

Женский голос звучал спокойно, немного устало.

Я подписал файл: «Коридор_седьмой_этаж».

Потом открыл таблицу, в которой вёл учёт записей, и добавил строку.

В графе «Примечания» написал: «Жильцы. Три квартиры. Обычный фон».

Подумал и удалил слово «обычный».

Оставил просто: «Жильцы. Три квартиры».

На следующий день я снова собирался туда ехать.

Не потому, что хотел кого-то увидеть. У меня оставалось

ещё несколько часов работы, и я не любил переносить незаконченные дела.

Перед выходом почему-то проверил, заряжен ли маленький диктофон, который обычно брал с собой на случай непредвиденных звуков.

Он был заряжен.

Я положил его в сумку.

Только потом заметил, что на улице уже темнеет.

В окне седьмого этажа горел свет.

Я задержал на нём взгляд на секунду, может быть, на две.

Потом закрыл дверь машины и уехал.

Глава 2. Седьмой этаж

На следующий день я приехал в дом ближе к одиннадцати.

Вчерашняя запись оказалась не такой удачной, как мне хотелось. На первых двух этажах всё было нормально, а выше начинались странности: где-то в микрофон лезло электрическое потрескивание, где-то звук становился глухим, словно я записывал не подъезд, а собственный карман. На шестом этаже обнаружился короткий металлический звон, повторявшийся примерно каждые сорок секунд. Я прослушал его раз двадцать, но так и не понял, что именно звенит.

Возможно, труба. Возможно, старая батарея. Возможно, дом пытался сообщить мне что-то важное, но не знал, на какой частоте я принимаю.

Я решил начать с седьмого этажа.

Лифт работал. Это было приятно, хотя особого доверия к нему я не испытывал. Кабина медленно ползла вверх, поскрипывая на каждом этаже. На зеркале кто-то оставил отпечаток ладони, а рядом шариковой ручкой написал: «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ». Я не понял, относилось ли это к зеркалу, к стенам или к жизни в целом.

На седьмом этаже двери разошлись с привычным металлическим вздохом.

Я вышел.

Коридор был узким: две двери справа и одна слева. Вче-

ра я записывал его почти в темноте, поэтому теперь заметил то, чего не увидел раньше. На стене возле квартиры с выцветшей цифрой 7 висел маленький календарь. Октябрь. На нём была изображена кошка, сидящая в цветочном горшке. Кошка выглядела недовольной, цветочный горшок — обречённым.

Дверь квартиры, возле которой вчера стояла женщина с пакетами, была закрыта.

Я поставил сумку на пол и достал микрофон.

Сначала записал общий фон, затем отдельно — вентиляцию, гудевшую где-то за стеной. Вчера этот звук почти не проявился, а сегодня был отчётливым — низким и ровным. Я сделал несколько дублей, поменял положение микрофона, проверил уровень сигнала.

Из-за двери послышался короткий стук.

Я замер.

Стук повторился.

Потом раздался голос:

— Вы там надолго?

Я посмотрел на дверь.

— Минут десять. Может, пятнадцать.

— Это вы вчера были?

— Да.

— Который записывает стены?

— Не совсем стены. Звуки.

— А стены не записываете?

— Если они хорошо себя ведут.

За дверью помолчали.

— У вас странная работа.

— Я тоже так думаю. Но мне за неё платят.

Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась.

Она стояла в проёме в домашней футболке и тёмных брюках. Волосы были собраны кое-как, на лице не было ни макияжа, ни желания его изображать. В руке она держала кружку. Я узнал её по вчерашним пакетам, хотя сегодня пакетов при ней не было.

— Вы опять возле моей двери, — сказала она.

— Я не возле вашей двери. Я возле вентиляции.

Она посмотрела на микрофон, потом на стену.

— А вентиляция у меня?

— Судя по звуку, где-то за этой стеной.

— Очень удобно. Можно теперь всё, что происходит у меня дома, списывать на вентиляцию?

— Если хотите, могу составить официальное заключение.

Она чуть прищурилась.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто заранее готовите ответ на вопрос, которого вам ещё не задали.

Я не сразу нашёлся.

— Не всегда. Иногда я молчу.

— Это, наверное, ещё хуже.

Она сделала глоток из кружки. На секунду мне показалось, что разговор закончен и сейчас дверь закроется. Но она продолжала стоять в проёме.

— Вы из управляющей компании?

— Нет. Меня наняло архитектурное бюро. Нужно записать дом перед реконструкцией.

— Зачем?

— Чтобы сохранить его звуковую среду. Так это называется в договоре.

— Звуковую среду, — повторила она. — Красиво.

— В договоре всё красиво. Даже сумма.

— А потом что?

— Потом записи передадут заказчику.

— И всё?

— Наверное.

Она посмотрела в коридор, словно пыталась представить, как это будет выглядеть: дом, разобранный на звуки, сложенный в папки и переданный кому-то, кто, возможно, никогда здесь не жил.

— Странно, — сказала она. — Дом ещё стоит, а его уже сохраняют.

Я пожал плечами.

— Обычно так и бывает.

— С людьми тоже?

Вопрос прозвучал буднично. Она не смотрела на меня, а рассматривала кружку, на которой был нарисован малень-

кий синий корабль.

— С людьми сложнее, — ответил я.

— Почему?

— Они не всегда соглашаются, чтобы их сохраняли.

Она кивнула, словно услышала ответ, который не собиралась оценивать.

— А меня вы вчера записали?

— Нет.

— Откуда знаете?

— Я бы заметил.

— Может, я очень тихо разговариваю.

— Тогда запись получилась бы хорошей.

Она впервые улыбнулась. Не широко, не так, чтобы я мог принять это за приглашение продолжить разговор. Просто уголки губ немного изменились, и лицо на секунду стало менее настороженным.

— Вы смешной, — сказала она. — Но я пока не решила, в хорошем смысле или нет.

— Это уже больше, чем я обычно получаю от заказчиков.

Она посмотрела на мою сумку.

— А что вы там записываете?

— Разное. Лифт, лестницу, двери, трубы. Иногда людей.

— Людей тоже?

— Если они не против.

— А если против?

— Тогда не записываю.

Она чуть заметно кивнула.

— Хорошо.

Я отвёл микрофон от стены. В этот момент из её квартиры донёсся звук работающей стиральной машины. Ровное вращение барабана сменилось глухим ударом, затем ещё одним.

— Вот это запишите, — сказала она. — У меня она уже третий день пытается улететь.

— Похоже, подшипник.

— Я тоже так думаю. Но мастер сказал, что это нормальный звук.

— Мастер, видимо, давно не слышал нормальных звуков.

— Вы ещё и стиральные машины ремонтируете?

— Нет. Просто слушаю, как люди тратят деньги.

Она тихо рассмеялась.

Из квартиры пахло кофе. Или чем-то похожим на кофе: запах был слабый, смешанный с порошком для стирки и чем-то тёплым, домашним. Я не стал заглядывать внутрь. За дверью виднелся небольшой участок прихожей: обувь, светлая стена, на крючке висела сумка. Обычная квартира. Ничего такого, что можно было бы запомнить отдельно от человека, который в ней живёт.

— Вы здесь давно? — спросил я.

Она подняла глаза.

— Достаточно.

Я понял, что вопрос был неудачным.

— Ясно.

— А вы?

— Что я?

— Давно занимаетесь звуками?

— Лет восемь.

— И что, нравится?

Я хотел ответить привычным «по-разному», но почему-то не стал.

— Да. Наверное.

— Вы не очень уверенно говорите.

— Просто не каждый день задают вопросы, на которые нельзя ответить цифрой.

— А я думала, вы всё измеряете.

— Только то, что можно измерить.

— А остальное?

— Остальное приходится терпеть.

Она опустила взгляд на кружку.

— Понятно.

В коридоре хлопнула дверь лифта. Потом послышались шаги. Кто-то поднимался по лестнице — медленно, с тяжёлым дыханием. Мы оба невольно повернули головы в сторону лестничной клетки.

— Это, наверное, сосед, — сказала она.

— С шестого?

— У нас на шестом живёт Михаил Петрович. Он ходит так, будто каждый этаж ему что-то должен.

— Я вчера с ним познакомился.

— Сочувствую.

— Он вполне приятный.

— Значит, ещё не успел познакомиться.

Шаги приблизились. На площадке показался Михаил Петрович. В одной руке он держал сетку с продуктами, в другой — связку ключей. Увидев нас, он остановился.

— А, опять ты, — сказал он мне. — Всё записываешь?

— Работа такая.

— Запиши, как я поднимаюсь. Может, потом сам себя послушаю и пойму, почему так тяжело.

— Вам помочь?

— Чем? Подняться?

— С сумкой.

— Сумка легче меня, не переживай.

Он перевёл взгляд на женщину.

— Вера, ты опять дверь нараспашку держишь. Сквозняк.

Вот так я узнал её имя.

— Михаил Петрович, я стою в дверях. Каким образом это сквозняк?

— Воздух у нас умный. Найдёт дорогу.

— Тогда пусть найдёт дорогу к вам. У вас там, кажется, батареи жарят.

— У меня там нормальная температура. Это вы все привыкли мёрзнуть.

Он поставил сетку на пол и начал искать ключ в связке.

— А ты, — обратился он ко мне, — не записывай, как я

ругаюсь. Это личное.

— Постараюсь.

— Не постарайся, а не записывай. Там материал на уголовное дело.

Вера усмехнулась.

— Вы вчера говорили, что у вас только два приличных слова.

— Я их берегу. Для особых случаев.

Он наконец нашёл нужный ключ и открыл дверь квартиры напротив. Перед тем как войти, он посмотрел на меня:

— Ты на шестой потом зайди. Я тебе покажу одну штуку. Только не записывай.

— Что именно?

— Если бы я знал, что именно, не надо было бы показывать.

Он скрылся за дверью.

Вера покачала головой.

— Он так со всеми.

— Мне кажется, он неплохой человек.

— Он неплохой сосед. Это разные должности.

— А какая у него хуже?

— Пока не знаю. Но он давно работает над тем, чтобы выяснить.

Она сделала ещё один глоток и посмотрела на меня.

— Вы, кажется, хотели записывать.

— Да.

— Тогда не буду мешать.

— Вы не мешаете.

— Это пока.

Она закрыла дверь.

Я ещё несколько секунд смотрел на микрофон, потом включил запись.

Вентиляция гудела. Стиральная машина за стеной снова ударила барабаном. Где-то ниже хлопнула дверь, и звук прошёл по шахте подъезда, потеряв по дороге часть громкости.

Я записал три минуты.

Потом ещё две.

В какой-то момент за дверью квартиры Веры зазвучала музыка. Тихая, почти неразличимая. Я не смог определить ни исполнителя, ни мелодию. Только голос женщины — негромкий, немного хриплый — и несколько аккордов.

Я опустил микрофон.

Музыка не была особенно красивой. Просто я понял, что не имею права записывать её без разрешения.

Я снял наушники, проверил уровень сигнала и выключил устройство.

В коридоре стало слышно, как работает вентиляция. Без усиления она звучала совсем иначе: не как низкий гул, а как обычное дыхание старого дома.

Я собрал оборудование и спустился на шестой этаж.

Михаил Петрович уже ждал меня у своей двери. На этот раз — без сетки и ключей. В руках у него была небольшая

жестяная коробка из-под печенья.

— Заходи, — сказал он. — Только обувь вытри. У меня тут не вокзал.

— Вы же говорили, что покажете одну штуку.

— Покажу. Но сначала чай.

— Я не хочу вас отвлекать.

— Ты меня не отвлекаешь. Я сам себя отвлекаю. Это у меня хорошо получается.

Он пропустил меня в квартиру.

Я обернулся на лестничную площадку. Дверь Веры была закрыта. На коврике возле неё стояла пара женских ботинок, аккуратно поставленных носками к стене.

Почему-то я это отметил.

Потом вошёл к Михаилу Петровичу, и дверь за мной закрылась.

Вечером я перенёс записи на компьютер.

Файлы лежали в папке с названием проекта. Я переименовал несколько дорожек, удалил неудачные дубли и открыл запись седьмого этажа.

В наушниках снова зазвучала вентиляция. Потом стиральная машина. Потом короткий металлический щелчок, который я слышал и вчера.

Я увеличил фрагмент, посмотрел на звуковую волну.

Ничего особенного.

На одной из дорожек на заднем плане едва различался голос. Я остановил воспроизведение и вернулся к началу. Про-

слушал ещё раз. Это была не Вера — или, по крайней мере, я не мог этого утверждать. Просто кто-то говорил за стеной.

Я удалил фрагмент.

Не потому, что там было что-то личное. Просто он не относился к задаче.

В названии файла написал: «Седьмой этаж. Коридор. Повторная запись».

Потом открыл свойства проекта и добавил комментарий: «Вентиляция, стиральная машина, фоновый шум».

Слово «Вера» я не написал.

Оно не относилось к техническому описанию.

Я выключил компьютер, налил воды и поставил стакан на подоконник. За окном уже темнело. В соседнем доме зажигались окна, одно за другим. В некоторых комнатах двигались люди, в других телевизоры освещали пустые стены.

Я подумал, что завтра нужно будет вернуться и записать лестничную клетку с другой стороны. А ещё — проверить металлический звон на шестом этаже.

Обычные рабочие задачи.

И всё же перед сном я вспомнил, как Михаил Петрович назвал её по имени.

Вера.

Имя было коротким. Удобным для произнесения. И совершенно ничего мне не сообщало о человеке, которому принадлежало.

Это было справедливо.

Я выключил свет.

Глава 3. Лифт не работает

В четверг лифт сломался.

Я узнал об этом не сразу. Сначала решил, что он просто долго думает. Такое с ним случалось: нажимаешь кнопку, ждёшь, слышишь за стеной движение механизмов, а потом ничего. Через минуту он мог всё-таки приехать, будто передумал оставлять тебя наедине с лестницей.

В этот раз не приехал.

На двери кабины висел лист бумаги, приклеенный прозрачным скотчем:

ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ. ВЕДУТСЯ РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ.

Ниже кто-то дописал от руки:

КОГДА ЗАКОНЧАТСЯ — НЕИЗВЕСТНО.

Я прочитал объявление дважды. Не потому, что оно было сложным, а потому, что мне предстояло подняться на седьмой этаж с оборудованием.

В сумке лежали рекордер, два микрофона, стойка, кабели, наушники и ноутбук. Весила она примерно столько же, сколько небольшой ребёнок, только не задавала вопросов и не требовала внимания.

Я поставил её на первую ступеньку.

— Хорошее начало, — сказал я сам себе.

На первом этаже пахло мокрой одеждой и чем-то жаре-

ным. На втором кто-то оставил у стены пакет с пустыми бутылками. На третьем лестничная лампочка мигала с такой регулярностью, что я невольно подумал: вот бы все мои заказчики были настолько пунктуальны.

На четвёртом я остановился.

Не потому, что устал. Просто захотелось проверить, не забыл ли я дома запасную карту памяти.

Проверил. Не забыл.

На пятом этаже открылась дверь.

Из квартиры вышла женщина лет шестидесяти, в домашнем халате и с маленьким пластиковым ведром. Она посмотрела на меня, потом на сумку.

— Вы к кому?

— На седьмой.

— Там никого нет.

— Мне туда нужно по работе.

— А-а. Опять эти.

Я не стал уточнять, кто именно «эти». В доме, судя по всему, уже существовала отдельная категория людей, которым следовало не доверять.

Женщина поставила ведро возле двери и достала из кармана связку ключей.

— Вы лифт видели?

— Видел.

— И что?

— Не работает.

— Вот именно. А они всё пишут, что ремонтируют. У нас его с понедельника ремонтируют.

— Может, сложный ремонт.

— Там кнопка не горит. Что там сложного?

Я не знал, что ответить. В технических вопросах лифтового хозяйства мои познания заканчивались на способности нажимать кнопку.

— Вы из управляющей компании? — спросила она.

— Нет. Я записываю звуки дома.

Женщина посмотрела на меня так, будто я только что сообщил, что собираю пыль в баночки.

— Звуки?

— Да.

— А что, обычных звуков мало?

— Для работы иногда не хватает.

Она покачала головой.

— Странные люди пошли.

С этими словами она открыла дверь и исчезла в квартире.

Я поднял сумку и продолжил подъём.

На шестом этаже меня встретил Михаил Петрович.

Он сидел на табуретке возле своей двери и чистил картошку. Перед ним стояла небольшая миска, рядом лежала сложенная вчетверо газета.

— О, — сказал он. — Звукозаписыватель.

— Доброе утро.

— Доброе оно у кого? У меня уже полдня прошло.

— Вы рано встаёте?

— Я не встаю. Я просто перестаю лежать.

Он отложил нож и посмотрел на мою сумку.

— Лифт опять?

— Да.

— Я же говорил, что он долго не протянет.

— Вы говорили, что он переживёт нас всех.

— Я иногда ошибаюсь. Не надо из этого делать событие.

Он поднялся, взял миску и освободил мне проход.

— Тебе на седьмой?

— Да. Нужно записать лестницу.

— Запиши, как я картошку чищу. Это у меня лучше получается, чем разговаривать.

— Я могу.

— Не надо. Потом ещё скажут, что я в доме работаю.

Я улыбнулся и поставил сумку на пол.

— Вы вчера обещали показать мне одну вещь.

Михаил Петрович посмотрел на меня.

— Обещал?

— Да.

— Значит, покажу. Только не сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня у меня картошка.

Он поднял миску и скрылся в квартире.

Я уже собирался идти дальше, когда из-за двери донеслось:

— И ещё! Если встретишь Веру, скажи, чтобы забрала свою посылку. Опять у меня стоит.

— Хорошо.

— Только не забудь.

— Не забуду.

— Все так говорят.

Дверь закрылась.

Я поднял сумку и пошёл на седьмой.

Там было тихо. На этот раз не работала даже вентиляция. Или мне просто показалось: после лестницы, где каждый шаг отдавался в бетонных стенах, коридор казался почти беззвучным.

Дверь Веры была закрыта.

Рядом с ней действительно стояла коробка. Небольшая, аккуратно заклеенная скотчем, с наклейкой службы доставки. На ней были указаны имя получателя и номер квартиры.

Я не стал вчитываться.

Поставил сумку у противоположной стены, достал микрофон и начал готовиться к записи.

Через несколько минут дверь открылась.

Вера вышла с мусорным пакетом.

Увидев меня, она остановилась.

— Вы опять.

— Добрый день.

— Вы здесь работаете или живёте?

— Пока работаю.

— А потом?

— Потом уеду.

Она посмотрела на сумку.

— Лифт?

— Не работает.

— Да. У нас теперь лестничный клуб. Вступительный взнос — одышка.

— Я уже заплатил.

— Тогда добро пожаловать.

Она подошла к мусоропроводу, открыла крышку и выбросила пакет. Потом вернулась к двери.

— Вы не знаете, когда починят?

— Нет. Я сегодня первый раз увидел объявление.

— Они его уже третий день перевешивают. Видимо, так ремонт и происходит.

— Может, бумага изнашивается быстрее механизма.

— Вы умеете находить оправдания всему?

— Нет. Только тому, за что не отвечаю.

Она посмотрела на меня, затем на коробку.

— Это Михаил Петрович вам сказал?

— Да. Просил передать, чтобы вы забрали посылку.

— Конечно. Он её уже, наверное, три раза спас от преступников.

— Судя по тому, как он о ней говорил, она представляет большую опасность.

Вера вздохнула, наклонилась и подняла коробку.

— Там корм для кота.

— У вас кот?

Она остановилась.

— Нет. У меня соседский кот.

— Сложная логистика.

— Очень. Кот живёт на третьем этаже, корм приезжает на седьмой, а Михаил Петрович считает, что я организовала международную преступную сеть.

Она посмотрела на коробку, будто проверяя, не помялась ли она.

— Он иногда помогает мне получать посылки. Но потом напоминает об этом при каждом удобном случае.

— У него хорошая память.

— На чужие долги — особенно.

Она открыла дверь, поставила коробку внутрь и вернулась в коридор.

— А вы сегодня долго?

— Не знаю. Нужно записать лестницу, потом проверить несколько точек на шестом этаже.

— Опять всё записывать?

— В рамках проекта — да.

— И что потом будет с этими звуками?

— Их обработают и передадут архитекторам.

— Они будут слушать?

— Не знаю. Возможно.

— А зачем тогда записывать?

Я пожал плечами.

— Чтобы было.

Вера посмотрела на меня с лёгким недоумением.

— Очень убедительно.

— Я не рекламирую свою работу.

— Это заметно.

Она уже собиралась войти, но вдруг задержалась.

— Вы сегодня пешком поднялись?

— Да.

— С этой сумкой?

— Как видите.

— И ещё собираетесь спускаться?

— Если ничего не изменится.

Она посмотрела на лестницу, потом на меня.

— У вас лицо человека, который недооценил расстояние между этажами.

— Я просто не ожидал, что лестница окажется такой длинной.

— Она не стала длиннее. Вы просто стали ближе к седьмому этажу.

Я хотел ответить, но ничего подходящего не нашёл.

Вера улыбнулась.

— Ладно. Не буду мешать.

— Вы не мешаете.

— Вы уже говорили.

Она закрыла дверь.

Я остался один.

В коридоре было слышно, как где-то за стеной работает холодильник. Низкий гул, короткая пауза, снова гул. Я включил рекордер, проверил уровень и начал запись.

На этот раз лестничная клетка звучала иначе. Без лифта подъезд словно потерял привычный фон. Не было движения кабины, щелчков дверей, короткого гула между этажами. Остались только шаги, трубы и редкие звуки из квартир.

Я записал площадку седьмого этажа, потом спустился на шестой.

На середине лестницы услышал, как открылась дверь.

— Подождите!

Я обернулся.

Вера стояла на верхней площадке.

— Что случилось?

— Вы не видели, куда я положила ключи?

Я посмотрел на её руки.

— Нет.

Она оглянулась в квартиру, потом снова на меня.

— Я только что закрыла дверь и теперь не могу найти ключи.

— Может, в кармане?

Она проверила карман брюк.

— Нет.

— В сумке?

— Сумка внутри.

Она посмотрела на дверь, словно надеялась, что та сама предложит решение.

— А вы далеко идёте?

— На шестой.

— Можете подождать минуту?

— Конечно.

Она вернулась в квартиру. Дверь осталась приоткрытой.

Я стоял на лестнице с сумкой на плече и слушал, как она что-то передвигает в прихожей. Потом раздался шорох, звук открывающегося ящика, короткое недовольное восклицание.

— Нашли? — спросил я.

— Нет.

— Может, вы оставили их у Михаила Петровича?

— Я только что забрала посылку. Ключи были у меня.

Она вышла в коридор, уже без прежней уверенности.

— Вы можете посмотреть возле двери? Я сейчас проверю карманы куртки.

Я подошёл к её коврику. На полу лежал маленький металлический брелок в виде звезды. Рядом — две монеты и резинка для волос.

Ключей не было.

— Здесь нет.

— Спасибо.

Она исчезла в квартире.

Я присел и посмотрел под обувницу. Там обнаружились

один носок, чек из магазина и маленькая пластиковая деталь неизвестного назначения.

— Кажется, я их нашла, — сказала Вера.

Я поднялся.

Она стояла в дверях и держала ключи.

— Где были?

— В кармане куртки.

— Значит, всё-таки карман.

— Да. Очень смешно.

— Я не смеялся.

— У вас лицо смеялось.

Она убрала ключи в карман и посмотрела на меня.

— Спасибо, что подождали.

— Не за что.

— Вы всегда так спокойно реагируете?

— На потерянные ключи?

— На чужие проблемы.

Я немного подумал.

— Зависит от проблемы.

— Понятно.

Она посмотрела на лестницу.

— Вы же на шестой?

— Да.

— Тогда передайте Михаилу Петровичу, что корм я забрала. И что он может перестать считать себя главным почтовым отделением дома.

— Передам.

— Только дословно.

— Постараюсь.

— Нет, вы передайте именно так.

Она улыбнулась, на этот раз чуть свободнее.

— До свидания.

— До свидания.

Я спустился на шестой этаж.

Михаил Петрович встретил меня уже в квартире. На столе стояла тарелка с картошкой, рядом лежали газета и очки.

— Ну что, передал?

— Да. Она забрала посылку. И просила сказать, что вы можете перестать считать себя главным почтовым отделением дома.

Михаил Петрович перестал жевать.

— Это она так сказала?

— Дословно.

— Вот ведь характер.

Он отодвинул тарелку.

— Садись. Чай будешь?

— Спасибо, но мне ещё работать.

— Работа никуда не денется. Дом тоже пока стоит.

Я сел.

Он налил чай в две чашки. Одна была с отколотой ручкой, другая — с изображением какого-то курорта, который я не узнал.

— Лифт, значит, умер, — сказал он.

— Пока ремонтируют.

— В этом доме всё «пока». Пока ремонтируют, пока обещают, пока собираются. А потом приходит бумага, что всё уже решено.

Он отпил чай.

— Ты знаешь, что они собираются сделать с домом?

— Реконструкция. Подробностей я не знаю.

— А жильцам подробности не нужны, — сказал он. — Им достаточно знать, куда переезжать.

Я не стал спорить.

Михаил Петрович посмотрел на меня.

— Ты ведь записываешь всё это?

— Что именно?

— Как мы тут живём. Как ходим, как двери открываем, как ругаемся.

— Я записываю звуки.

— Это одно и то же, если подумать.

Он помолчал, потом поднялся и подошёл к шкафу. Достал из верхнего отделения жестяную коробку, которую я уже видел в прошлый раз.

— Вот, — сказал он. — Я хотел тебе показать.

Он открыл крышку.

Внутри лежали старые ключи. Много ключей, разных размеров и форм. Некоторые потемнели, другие блестели, будто их недавно протёрли.

— Это от чего? — спросил я.

— От квартир.

— От квартир в этом доме?

— Не всех. От тех, где я жил или где мне доверяли ключи.

Он взял один, маленький, с круглой головкой.

— Вот этот от моей первой квартиры. А этот — от квартиры жены. А этот…

Он замолчал.

— Откуда этот?

Михаил Петрович положил ключ обратно.

— Уже не помню.

Я посмотрел на коробку.

— Зачем вы их храните?

— Не знаю. Выбросить жалко.

— Но двери уже другие?

— Некоторые. Некоторые квартиры вообще пустые. А ключи остались.

Он закрыл коробку.

— У каждого дома есть свои звуки. И свои ключи. Только ключи иногда переживают тех, кому принадлежали.

Я не стал записывать эту фразу. Даже если бы хотел, рекордер лежал в сумке, а сумка стояла у двери.

Мы допили чай. Михаил Петрович рассказал, что лифт ломался и раньше, но тогда его чинили быстрее. Потом пожаловался на цены, на погоду и на то, что молодёжь перестала здороваться. Я слушал, иногда отвечал, иногда просто

кивал.

Когда я собрался уходить, он проводил меня до двери.

— Ты завтра придёшь?

— Скорее всего.

— Тогда заходи. Я ещё кое-что покажу.

— Хорошо.

— И не записывай меня, когда я сплю.

— Не буду.

— А то я могу разговаривать.

— Во сне?

— Я и днём иногда разговариваю. Не вижу причин останавливаться ночью.

Я вышел на лестницу.

Лифт по-прежнему не работал.

На этот раз я спускался пешком, без особой спешки. На пятом этаже снова пахло жареным. На третьем кто-то включил телевизор. На первом у двери стоял тот самый пакет с бутылками.

Я подумал, что дом не стал тише из-за сломанного лифта. Просто одни звуки исчезли, а другие стали заметнее.

На улице было пасмурно. Я поставил сумку на скамейку и проверил оборудование. Всё работало.

В телефоне появилось сообщение от заказчика: просили прислать предварительные записи к понедельнику.

Я ответил, что успею.

Потом посмотрел на дом.

На седьмом этаже было открыто одно окно. Занавеска слегка двигалась от сквозняка.

Я не знал, чьё это окно.

И не стал выяснять.

Глава 4. Мизинец

В пятницу я приехал раньше обычного.

Лифт по-прежнему не работал. Объявление на его двери немного отклеилось с одного края, и теперь слова «ВЕДУТСЯ РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ» висели под углом. Кто-то пририсовал рядом маленькую стрелку и написал: «В КАКОМ ВЕКЕ?»

Я остановился, прочитал и пошёл к лестнице.

В сумке лежало оборудование, на плече висел рюкзак с ноутбуком. Я уже знал, на какие ступени лучше не наступать с краю, где скрипят перила и на каком пролёте лампа включается с задержкой. За три дня у меня появилась небольшая карта дома, составленная не из адресов, а из неудобств.

На шестом этаже пахло жареным луком.

Дверь Михаила Петровича была приоткрыта.

— Заходи! — крикнул он, хотя я ещё не успел постучать.

Я заглянул внутрь.

— Откуда вы знаете, что это я?

— Другие так тяжело не дышат.

— Я ещё не дышу.

— Вот именно. Значит, собираешься.

Он сидел на кухне. Перед ним стояла тарелка с бутербродами и раскрытая коробка со старыми фотографиями.

— Сегодня занят? — спросил он.

— Работаю.

— Все работают. А потом выясняется, что никто не живёт.

Я снял рюкзак и поставил его у стены.

— Вы обещали ещё что-то показать.

— Помню. Но сначала посмотри сюда.

Он протянул мне фотографию.

На ней был молодой мужчина в светлой рубашке. Он стоял возле подъезда нашего дома, придерживая дверь одной рукой. Рядом — женщина в тёмном пальто, с короткими волосами. Оба смотрели куда-то в сторону фотографа, но не улыбались.

— Это вы?

— А кто же ещё? Папа Римский?

Я присмотрелся. Мужчина был худым, с густыми волосами и совершенно другим лицом. Я бы не узнал его, если бы не глаза.

— Давно?

— Семьдесят девятый год.

— Вы здесь жили?

— С восемьдесят первого. А фотография раньше. Мы тогда только познакомились.

Он забрал снимок и положил его обратно в коробку.

— Это жена, — сказал он. — Её уже нет.

Я не стал спрашивать, когда.

Михаил Петрович перебрал несколько фотографий, остановился на одной и долго смотрел на неё.

— Я ведь тоже думал, что буду жить вечно, — сказал он наконец. — Не в смысле, что не умру. Просто казалось, что всё будет примерно так же. Квартира, работа, она на кухне, я в комнате. Потом дети. Потом опять квартира, работа. А потом вдруг остаёшься один и не понимаешь, когда именно всё успело закончиться.

Он положил фотографию обратно.

— Ладно. Не будем о грустном. Ты же записывать пришёл.

— Да.

— Тогда иди. Только дверь закрой.

Я попрощался и поднялся на седьмой этаж.

В коридоре было светло. Кто-то поменял лампочку, и теперь она не мигала. Возле квартиры Веры стояла небольшая коробка с инструментами. Дверь была открыта, внутри слышались звуки передвигаемой мебели.

Я остановился у стены, достал микрофон и начал устанавливать стойку.

Через минуту из квартиры вышла Вера.

На ней была свободная серая кофта, волосы собраны в хвост. В руках она держала отвёртку.

— Вы сегодня опять с экспедицией?

— Почти.

— Что записываете?

— Лестничную площадку. Вчера здесь был какой-то шум, которого раньше не было.

— Это я шкаф двигала.

— Шкаф?

— Да. Он решил, что ему здесь больше не нравится.

— И куда вы его переместили?

— Пока никуда. Мы с ним не договорились.

Она посмотрела на стойку.

— А это что?

— Микрофон.

— Я вижу. Зачем такая конструкция?

— Чтобы записывать звук с определённого расстояния.

— А если я сейчас начну кричать?

— Тогда у меня будет очень хороший материал.

— Вы невыносимы.

— Мне говорили.

Она прислонилась плечом к дверному косяку.

— Вы всё время здесь один работаете?

— Обычно да.

— Не скучно?

— Иногда.

— А что делаете, когда скучно?

Я задумался.

— Слушаю записи.

Она посмотрела на меня с лёгким недоверием.

— То есть вы скучаете и слушаете, как где-то что-то гудит?

— Если сказать так, звучит не очень.

— Зато честно.

Из квартиры донёсся глухой стук.

Вера обернулась.

— Вот опять.

— Шкаф?

— Он.

— Может, ему помочь?

Она посмотрела на меня.

— Вы умеете собирать мебель?

— Не очень.

— Тогда лучше не надо.

Я кивнул.

Она вернулась в квартиру, а я продолжил работу.

Минут через пять раздался ещё один стук, потом что-то небольшое упало на пол. Следом — короткое ругательство.

Я снял наушники.

— Всё нормально? — спросил я.

— Да!

Голос прозвучал слишком быстро.

Я снова надел наушники.

Через минуту дверь открылась.

— Слушайте, — сказала Вера. — У вас случайно нет пластыря?

Я посмотрел на неё.

— Есть.

— Можно?

Я достал из бокового кармана сумки небольшую аптечку.

Она лежала там ещё со времён одной съёмки, когда я умудрился порезать ладонь о металлический край стойки.

— Что случилось?

— Ничего страшного.

Она протянула руку.

На правом мизинце была небольшая царапина. Кожа возле ногтя покраснела, на подушечке выступила капля крови.

— Зацепились?

— Об угол шкафа.

— Он всё-таки победил.

— Пока ничья.

Я достал салфетку и пластырь.

— Давайте обработаем.

— Я сама.

Она взяла салфетку, но, пытаясь развернуть её одной рукой, уронила на пол.

— Отлично, — сказала она. — Просто великолепно.

Я поднял салфетку и протянул ей новую.

— Можно я помогу?

Вера посмотрела на меня.

— Можете.

Я осторожно взял её руку. Мизинец был тонким, тёплым. На коже осталась маленькая красная полоска. Я промокнул кровь салфеткой, достал антисептик и обработал царапину.

Она поморщилась.

— Щиплет?

— Немного.

— Сейчас пройдёт.

— Вы всегда так уверенно говорите?

— Когда речь о пластыре — да.

Я наклеил его чуть ниже ногтя.

— Готово.

Она повернула руку, осмотрела результат.

— Неплохо.

— Я иногда полезен.

— Не привыкайте.

Я отпустил её руку.

Она задержала взгляд на пластыре, потом посмотрела на меня.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Мы оба замолчали.

Из квартиры доносился негромкий гул холодильника. На лестнице кто-то хлопнул дверью. Вера стояла передо мной, держа руку чуть в стороне от тела, будто боялась задеть пластырь.

Я посмотрел на её мизинец.

И почему-то сказал:

— Можно, я сломаю тебе мизинец?

Она подняла глаза.

На несколько секунд в коридоре стало очень тихо.

— Что?

Я сам услышал, как это прозвучало. Вопрос был настолько нелепым, что объяснить его сразу не получилось.

— Я… — начал я.

— Вы сейчас серьёзно?

— Нет. То есть нет, конечно. Я не собираюсь…

— А зачем спрашиваете?

Я опустил взгляд на её руку.

— Не знаю.

Это было правдой. По крайней мере, более правдивой, чем любая из фраз, которые могли бы прийти мне в голову.

Вера медленно убрала руку.

— У вас своеобразное представление о знакомстве.

— Я обычно начинаю с более безопасных тем.

— Например?

— Погода. Работа. Состояние лифта.

— И потом переходите к переломам?

— Иногда разговор сам туда ведёт.

Она не улыбнулась.

Я почувствовал, что шутка не удалась. Не просто не удалась — оказалась неуместной.

— Простите, — сказал я. — Это была глупость.

— Да.

Она посмотрела на меня внимательно, без злости, но и без желания облегчить мне положение.

— Вы знаете, что самое неприятное в таких вопросах?

— Что?

— Не то, что вы спросили. А то, что я теперь должна решить, шутите вы или нет.

Я ничего не ответил.

Она поправила рукав.

— Я не люблю, когда мне приходится угадывать, насколько человек безопасен.

— Понимаю.

— Не уверена.

Она посмотрела на пластырь.

— Спасибо за помощь. Но давайте на этом закончим.

— Хорошо.

Вера вошла в квартиру и закрыла дверь.

Я остался в коридоре.

Микрофон стоял на стойке. На экране рекордера двигались зелёные полоски. Устройство продолжало записывать вентиляцию, лестницу, далёкие голоса.

Я выключил запись.

Постоял ещё немного, затем собрал оборудование.

На шестом этаже Михаил Петрович открыл дверь, когда я проходил мимо.

— Ты чего такой?

— Нормальный.

— У нормальных людей лицо не такое.

— Какое?

— Будто они только что узнали, что картошка подорожала.

Я улыбнулся.

— Ничего. Неудачно пошутил.

— С женщиной?

Я посмотрел на него.

— Откуда вы…

— У меня слух хороший. И стены тонкие. А ты не умеешь разговаривать тихо, когда волнуешься.

Я не стал спрашивать, что именно он слышал.

Михаил Петрович посмотрел на мою сумку.

— Седьмой этаж?

— Да.

— Там Вера?

— Да.

Он кивнул.

— Хорошая девочка.

— Вы давно её знаете?

— Достаточно.

— И какая она?

Михаил Петрович пожал плечами.

— Живая.

— Это не характеристика.

— Другой у меня нет.

Он хотел закрыть дверь, но передумал.

— Илья.

Я остановился.

— Не надо проверять людей на прочность. Они и так каж-

дый день этим занимаются.

Он сказал это без особой интонации, словно речь шла о том, что на улице похолодало.

— Я не проверял.

— Ну и хорошо.

Дверь закрылась.

Я спустился на первый этаж, вышел на улицу и сел в машину.

Положил сумку на соседнее сиденье, достал телефон, открыл рабочие заметки.

В графе «Седьмой этаж» было написано:

«Вентиляция. Лестничная площадка. Стиральная машина. Фоновый шум».

Я добавил:

«Повторная запись после замены лампы».

Потом закрыл заметки.

До вечера я больше не возвращался к этому разговору.

По крайней мере, старался.

Вечером, когда я разбирал оборудование, обнаружил, что на салфетке из аптечки остался след крови.

Совсем небольшой.

Я положил её на край стола, потом выбросил.

Вспомнил, как Вера сказала, что ей неприятно угадывать, насколько человек безопасен.

Я подумал, что она права.

Я ведь действительно не знал, почему задал этот вопрос.

Может быть, хотел рассмешить её. Может быть, испугался того, что между нами возникла обычная человеческая близость, и поспешил испортить её чем-то нелепым. Может быть, просто привык прятаться за словами, которые не требуют от меня ничего настоящего.

Но это всё были предположения.

Я не мог знать наверняка.

Открыл ноутбук и запустил последнюю запись седьмого этажа.

В наушниках звучала вентиляция. Потом шаги. Потом короткий металлический щелчок.

Я остановил воспроизведение.

На записи не было ничего, что могло бы объяснить произошедшее.

Я выключил звук и закрыл ноутбук.

Перед сном мне пришла в голову одна простая мысль: если человек доверил тебе свою руку, это ещё не значит, что он доверил тебе себя.

Я не стал записывать её в заметки.

Некоторые вещи лучше оставить без названия.

Глава 5. Чужие окна

В понедельник я снова приехал в дом.

За выходные ничего особенного не произошло. Я разобрал несколько записей, отправил заказчику предварительный отчёт, купил продукты и даже приготовил ужин. Последнее обстоятельство показалось мне настолько значительным, что я сфотографировал результат. Потом посмотрел на фотографию и удалил её. Некому было отправлять.

Лифт по-прежнему не работал.

На двери появилось новое объявление. Теперь жильцов просили отнестись к ситуации с пониманием. Судя по всему, понимание было единственным ресурсом, который управляющая компания могла предоставить бесплатно.

Я поднялся на второй этаж, установил микрофон возле окна и включил запись.

Во дворе женщина поливала цветы.

Она делала это медленно, переставляя горшки с одного подоконника на другой. Сначала один, потом следующий. В какой-то момент остановилась, посмотрела на растение и что-то ему сказала.

Я не расслышал слов.

Возможно, это было замечание по поводу ухода. Возможно, обычный разговор. Люди вообще часто разговаривают с теми, кто не может им возразить. С растениями, животными,

автомобилями и иногда с бытовой техникой.

На третьем этаже открылась дверь.

Вышел молодой парень в тёмной куртке, с наушниками на шее. Он закрыл дверь, проверил карманы и вернулся обратно. Через минуту вышел снова, уже с рюкзаком.

Я посмотрел на часы.

Было около четырёх.

У каждого в этом доме существовало собственное расписание, о котором никто не сообщал остальным. Кто-то уходил рано утром, кто-то возвращался ночью, кто-то поливал цветы в одно и то же время. Дом собирал эти привычки, как старый шкаф собирает пыль.

Я закончил запись и спустился на первый этаж.

У почтовых ящиков стоял мужчина лет сорока. Он разговаривал по телефону, держа его перед собой на вытянутой руке.

— Я тебе объясняю, я не сказал, что не приеду. Я сказал, что не знаю.

Он помолчал.

— Ну зачем ты опять начинаешь?

Я хотел пройти мимо, но мужчина повернулся ко мне и жестом показал, что сейчас закончит.

Я остановился у стены.

— Нет, послушай. Я не могу сейчас разговаривать. Я в подъезде.

Он посмотрел на меня, потом добавил:

— Тут человек работает.

Я едва заметно кивнул.

Мужчина отвернулся.

— Да не знаю я, кто он. Записывает что-то.

Я сделал вид, что проверяю оборудование.

Через несколько секунд он закончил разговор, убрал телефон и посмотрел на меня.

— Вы из телевидения?

— Нет.

— А что записываете?

— Звуки дома. Перед реконструкцией.

— А разговоры тоже?

— Если случайно попадают, удаляю.

Он кивнул.

— Правильно. А то мало ли.

Он ушёл, оставив после себя запах табака и недосказанный разговор.

Я подумал, что, наверное, у него дома кто-то ждёт объяснений. Или не ждёт. Может быть, разговор вообще был не о нём, а о чём-то совершенно другом.

Я не знал.

На шестом этаже дверь Михаила Петровича оказалась открыта. Он стоял в коридоре и пытался достать что-то с верхней полки шкафа.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Если пришёл помогать, опоздал.

— А если просто поздороваться?

— Тогда вовремя.

Он наконец достал небольшую коробку и поставил её на тумбочку.

— Что там?

— Семена.

— Собираетесь сажать?

— Нет. Буду любоваться упаковкой.

Я улыбнулся.

Михаил Петрович открыл коробку и начал перебирать маленькие бумажные пакетики.

— Это жена покупала, — сказал он. — Она любила цветы.

Я посмотрел на коробку.

— Вы их сажали?

— Я? Нет. Я тогда был занят важными делами.

— Какими?

— Работал, например. Очень важное занятие, особенно когда не знаете, зачем.

Он усмехнулся.

— Она могла полдня возиться с каким-нибудь горшком. Землю поменять, листья протереть, поставить ближе к окну. Я говорил, что цветок от этого не станет счастливее.

— А она?

— Говорила, что я ничего не понимаю.

Он аккуратно закрыл коробку.

— Однажды сказала, что любовь похожа на привычку воз-

вращаться домой. Я тогда ответил, что привычки бывают разные.

— И что она сказала?

— Что я опять всё испортил.

Он пожал плечами.

— Наверное, была права.

Михаил Петрович отнёс коробку на подоконник.

— Теперь возвращаюсь, а дома тихо. Хотя, если честно, раньше тоже не всегда было шумно.

Он не стал продолжать.

Я тоже не стал спрашивать.

В коридоре на секунду повисла тишина. Из квартиры напротив доносилось радио, где женщина бодрым голосом рассказывала о скидках на бытовую технику.

— Ты, кстати, — сказал Михаил Петрович, — цветы записывал?

— Нет.

— А зря. Они у соседки со второго этажа каждый вечер поливаются. Уже, наверное, привыкли.

— У вас хорошая память на соседей.

— Я здесь давно. Это не память, это отсутствие других развлечений.

Я попрощался и поднялся выше.

На седьмом этаже было тихо.

Я прошёл мимо двери Веры, не задерживаясь. У стены стояла коробка с инструментами, которую я видел в пятни-

цу. Видимо, шкаф всё ещё не обрёл подходящего места.

Я поставил оборудование у окна в конце коридора.

За стеклом медленно темнело. Во дворе включились фонари. На лавочке сидели двое мужчин, один из которых держал пакет с продуктами на коленях. Они разговаривали, иногда замолкая, словно обоим было достаточно просто находиться рядом.

Я проверил уровень сигнала и включил запись.

В наушниках появились привычные звуки: ветер, далёкий транспорт, хлопок подъездной двери, чьи-то шаги.

Потом за спиной открыла дверь.

На лестницу вышла женщина с пятого этажа. Та самая, которая однажды спрашивала меня, что именно я записыва.

— Опять вы, — сказала она.

— Добрый вечер.

— Всё никак не наслушаетесь?

— Пока нет.

— А чего вам ещё не хватает?

Я посмотрел на рекордер.

— Иногда тишины.

Она хмыкнула.

— Тогда не туда приехали.

И пошла вниз.

Я вернулся к работе.

Через некоторое время внизу хлопнула дверь. Потом послышались быстрые шаги. Кто-то поднимался по лестнице,

перескакивая через ступеньки.

На шестом этаже шаги остановились.

— Михаил Петрович! — раздался молодой голос.

— Чего?

— Вы мою посылку не видели?

— Если она твоя, должна быть у тебя.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Раздался смех.

Потом снова шаги, уже вверх.

Я посмотрел на экран рекордера. В звуковой дорожке остался короткий разговор. Я удалил этот фрагмент и продолжил запись.

Пока я работал, дом постепенно наполнялся вечерними звуками.

На втором этаже закрыли окно. На четвёртом кто-то долго искал ключи. На первом хлопнула входная дверь. Из одной квартиры доносилась музыка, из другой — звук телевизора.

Каждая дверь открывалась и закрывалась, и за каждой происходило что-то своё.

Я закончил запись, снял наушники и начал складывать оборудование.

В этот момент из квартиры Веры донёсся смех.

Я невольно повернул голову.

Дверь оставалась закрытой.

Через несколько секунд я услышал её голос. Она говори-

ла по телефону, но слов разобрать было невозможно. Потом снова рассмеялась.

Я посмотрал на дверь.

В пятницу она стояла передо мной с пластырем на мизинце и говорила, что не любит угадывать, насколько человек безопасен.

Сейчас она смеялась над чем-о, чего я не знал.

И это было нормально.

Я не стал подходить ближе. Не стал прислушиваться. Просто продолжил складывать стойку.

Когда вышел во двор, уже почти стемнело.

Я поставил сумку у машины и проверил, не забыл ли что-нибудь на седьмом этаже. Всё было на месте.

Потом поднял голову.

В одном из окон второго этажа женщина снова поливала цветы. На четвёртом этаже мужчина стоял у занавески с телефоном в руке. На шестом горел свет. На седьмом было открыто окно.

Вера стояла возле него.

Я не мог видеть её лица, только силуэт. Она держала телефон у уха, что-то говорила и улыбалась.

Потом засмеялась.

Я остановился.

В тот момент мне захотелось услышать этот смех ещё раз.

Не узнать, кому она звонит. Не выяснить, о чём говорит. Не понять, почему ей весело. Просто услышать.

Я вдруг заметил, что смотрю уже не столько на неё, сколько на собственное желание увидеть её снова.

Это было немного странно.

Возможно, именно так и начинается привычка придумывать человека, которого почти не знаешь. Сначала запоминаешь голос. Потом начинаешь замечать окна. Затем ждёшь, когда в одном из них появится знакомая фигура.

И незаметно для себя можешь решить, что имеешь отношение к тому, что происходит за стеклом.

Я отвернулся.

Вера продолжала разговаривать.

Я не знал, что происходило в её квартире, кому она улыбалась и что её рассмешило. И впервые мне показалось важным не пытаться это выяснить.

Я сел в машину и положил сумку на соседнее сиденье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.